

Лихоманов Ким Владимирович

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА "ОБМЕНА ДАРАМИ" В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. Я. ГУРЕВИЧА

В статье на примере работ историка А. Я. Гуревича рассматривается проблема интерпретации средневековой культуры "обмена дарами", который представляет собой один из универсальных средств социальной и культурной коммуникации архаических обществ. А. Я. Гуревичем показано, что этот институт в средневековых обществах нёс важную функцию социального общения, однако также нёс в себе и глубокое культурное содержание, занимавшее важное место в сознании человека Средневековья, и имел магический характер.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 71-74. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 03.23.07

Исторические науки и археология

В статье на примере работ историка А. Я. Гуревича рассматривается проблема интерпретации средневековой культуры «обмена дарами», который представляет собой один из универсальных средств социальной и культурной коммуникации архаических обществ. А. Я. Гуревичем показано, что этот институт в средневековых обществах нес важную функцию социального общения, однако также нес в себе и глубокое культурное содержание, занимавшее важное место в сознании человека Средневековья, и имел магический характер.

Ключевые слова и фразы: А. Я. Гуревич; обмен дарами; магическое содержание предмета; картина мира; традиции; социальная коммуникация; исландские саги.

Лихоманов Ким Владимирович

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.

AlisterOrm@gmail.com

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА «ОБМЕНА ДАРАМИ»
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. Я. ГУРЕВИЧА**

Проблематика истории культуры в советское время развивалась в рамках марксистской теории общественных формаций. Формула К. Маркса «Бытие определяет сознание» отводила культуре роль надстройки, второстепенной по отношению к экономической истории, тем самым делая её изучение не актуальным для советских историков. В Европе и США формирование методологии истории культуры шло иначе: в рамках «культурного марксизма», «структурализма» и «постструктурализма», постмодернизма, методологии школы «Анналов». Западные достижения в изучении истории культуры были «вызовом» и для советских историков. Ответом на него в 1960-70-х гг. стала разработка новаторских методов исследования средневековой культуры. Настоящим прорывом в этой области оказались исследования историка-медиевиста А. Я. Гуревича (1924-2006 гг.).

А. Я. Гуревич был одним из ведущих специалистов по истории культуры в отечественной историографии, основоположником исторической антропологии. Как студент, а затем аспирант Исторического факультета Московского государственного университета, он был учеником двух крупных специалистов по социально-экономическим отношениям Средневековья – Е. А. Косминского (1886-1959 гг.) и А. И. Неусыхина (1898-1969 гг.). На начальных этапах своего научного пути А. Я. Гуревич также занимался аграрной историей раннесредневековой Англии и Норвегии, а с середины 1960-х гг. перешел к исследованию проблем истории культуры.

Работы А. Я. Гуревича уже вошли как в русскую, так и в мировую историографию, внимание к его научному наследию не ослабевает. Отдельные аспекты творчества А. Я. Гуревича исследовались в историографии. Особенно отметим монографию немецкой исследовательницы Л. Шольце-Иррлиц [19], а также статьи авторов, рассматривающих отдельные аспекты его наследия, в частности, его концепцию «средневековой личности» [10; 13], терминологический аппарат его работ [4; 16], влияние на него школы «Анналов» [3] и советской историографии [17]. Два сборника, вышедших в 2010 г. в США [18] и в 2011 г. в России [12], посвящены А. Я. Гуревичу. Однако его научное наследие не изучено в должной мере, нет полной научной биографии историка, не рассматривалась концепция истории культуры в связи с социально-экономическими работами, слабо изучены методы исследования истории средневековой культуры.

Наибольшую известность приобрели такие работы, как «Категории средневековой культуры» (1972 г.) [5], «Проблемы средневековой народной культуры» (1981 г.) [7], «Культура и общество средневековой Европы глазами современников» (1989 г.) [6], «Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства» (1990 г.) [8]. Кроме них автор опубликовал множество статей, подытожив свои подходы и методы в «Словаре средневековой культуры» [15].

«Категории средневековой культуры» историк задумывает для «ответа» на традиционный взгляд в отношении эпохи Средневековья как «тёмных веков», застоя в культуре, трактовок Я. Буркхардта (1818-1897 гг.). Как он пишет, «к средним векам необходимо применить адекватные критерии, рассмотреть средневековую культуру в свете её собственной логики, попробовать понять её “изнутри”» [5, с. 25]. Главной задачей А. Я. Гуревич считал анализ внутреннего содержания, закономерностей и взаимосвязей в средневековой культуре в контексте эпохи. Историк много пишет по этому поводу: «В разные эпохи и в различных культурах люди воспринимают и осознают мир по-своему, на собственный манер организуют свои впечатления и знания, конструируют свою особую, исторически обусловленную картину мира» [Там же, с. 27]. В это рассуждение историк вводит центральное для всей работы понятие – «картина мира» как некой совокупности представлений об окружающем мире. В глазах А. Я. Гуревича именно картина мира помогает выявить, «каким видели своё собственное время люди прошлого» [Там же, с. 36], и выработать «модель» средневековой культуры или её «идеальный тип» [Там же, с. 41].

Попытаемся выявить, каким образом применялась историком методология «моделей» и «картин мира» при рассмотрении средневекового «обмена дарами», на каких источниках он его изучал, что нового привнёс в интерпретацию, как через призму этого вопроса проявила себя его исследовательская культура.

Начнём с предварительных замечаний об изучении института «обмена дарами». Одним из первых его изучал французский этнограф и социолог М. Мосс (1872-1950 гг.). Согласно его исследованиям, в «архаичных обществах» институт «обмена дарами» играл совершенно особую роль, связанную с социальной коммуникацией и утверждением социального статуса общественной группы. Он пишет: *«принцип обмена-дара, вероятно, присущ обществам, которые вышли из стадии “совокупной, тотальной поставки”... семье, но еще не пришли к чисто индивидуальному договору, к рынку...»* [11, с. 228-229]. Можно понять, что М. Мосс определял «обмен дарами» как существенный элемент традиционного общества, который имел экономическую и социальную функцию, но не только. Этнографический материал позволил автору обнаружить у ряда обществ с неразвитыми рыночными отношениями *сакрализацию* предметов. М. Мосс пишет, что *«в этой системе идей считается ясным и логичным, что надо возвращать другому то, что реально составляет часть его природы и субстанции, так как принять нечто от кого-то – значит принять нечто от его духовной сущности, от его души»* [Там же, с. 152]. Значит, по мнению автора, дар был и частью культурной, духовной жизни человека. «Обмен дарами», с этой точки зрения, – магическое действие, связывающее одаряемого и дарителя. А. Я. Гуревич в своих исследованиях института «обмена дарами» во многом опирался на идею сакрализации дара как связующего звена между дарителем и одаряемым.

В советской историографии до него этот вопрос изучался в рамках этнографических исследований об американских племенах, одним из обычаев у которых являлся «потлач» – «обмен дарами» между индейскими родами. Ю. П. Аверкиева (1907-1980 гг.), изучая обширные материалы, собранные в XIX-XX вв., пришла к выводу, что *«потлач был средством перераспределения частных богатств индейцев»* [1, с. 225], то есть «инструментом» экономического регулирования прав на общинную родовую собственность.

А. Я. Гуревич уделил разработке этой проблемы достаточно много внимания. Впервые он столкнулся с фактами «обмена дарами» при изучении социальных отношений в раннесредневековой Скандинавии. Учёный анализировал ряд скандинавских литературных источников, в частности, «Havamal» («Речи Высокого»), одну из частей «Старшей Эдды», записанной в XIII в., и пришёл к выводу об особой роли «обмена дарами» в архаичном обществе, о том, что он выполнял не только экономическую функцию. Вслед за М. Моссом, учёный говорит об «обмене дарами» как особой *социальной* функции: *«По-видимому... обмен имуществом, пирами и услугами, выражавший и скрепляющий верность и дружбу, являлся универсальной формой социального общения»* [5, с. 179]. Отметим, что учёный увидел в «обмене дарами» даже всеохватывающую форму общения, т.е. придавал ему большее значение, чем М. Мосс или Ю. П. Аверкиева.

Большой интерес представляет характер аргументации ученого. Он обращает внимание на «заявления» «Высокого» в одной из речей: *«Надобно в дружбе / Верным быть другу / одарять за подарки; / смехом на смех / пристойно ответить / и обманом – на ложь»* [14, с. 193]. И заключает: *«прямая и тесная связь между дружбой и обменом дарами несомненна... подарки – важнейшее и обязательное средство установления и поддержания общественных связей...»* [5, с. 181]. Чуть дальше он добавляет, что *«одно из главнейших средств благополучного существования – поддержание с людьми дружеских отношений»* [Там же, с. 182].

В данном случае историк развивает через данные источника тезис об «обмене дарами» как форме социальной коммуникации, связав в одно выводы о социальной и коммуникативной роли: *«Церемониальный обмен связывал людей, принадлежавших к разным родовым и племенным группам»* [Там же]. Получается, что «дар» был неизменной «составляющей» любого контакта между социальными группами, играя в них существенную роль. Очень интересны разыскания историка по поводу объектов «дара». Они показали, что таковыми объектами могло стать что угодно, поскольку *«ценность заключалась не в их потребительской стоимости, а в том, что в них овеществлялась, зримо воплощалась социальная связь людей, обменивавшихся этими предметами...»* [Там же]. Тем самым историк усиливает оценку: «дар» не был простым актом обмена продуктами производства, как считала Ю. П. Аверкиева, он играл роль *универсального* фактора закрепления социальной связи между дарителем и одаряемым.

Анализ еще одного источника – исландских саг – позволил А. Я. Гуревичу выявить, при каких случаях, обстоятельствах совершался «обмен дарами»: *«необходимо постоянно встречаться с друзьями... участие в пирях и обмен дарами – важнейшие средства социального общения»* [Там же]. Отметим, историк ставит понятия «пир» и «обмен дарами» в один ряд: в скандинавском обществе одно было неотъемлемо от другого, участие в пире предполагало обмен подарками. Он указывает, что «дарами» могли служить не только материальные, но и духовные «предметы». Например, поэтическое сочинение. Контексты жизни показали ученому, что *«поэзия у скандинавов и англосаксов ценилась очень высоко... хвалебная песнь укрепляла благополучие и удачу воспетого вождя»* [Там же, с. 183-184], и, таким образом, *«скальд, произносивший песнь... просил награды или благодарил за полученный подарок»* [Там же, с. 183]. Историк делает вывод, что скальдская песнь (виса) – суть, дар или отдарок. Она становилась символическим закреплением дружеских связей между членами архаичного общества.

Совершенно особая роль «обмена дарами» раскрывается ученому в ходе исследования отношений между предводителем войска и его подчинёнными – дружинниками. Приведем довольно большую цитату. *«В основе обмена дарами лежала уверенность в том, что вместе с даримым имуществом переходила некая часть сущности дарителя, и получающий дар вступает в тесную связь с ним»* [Там же, с. 179]. *«...Объект дара и человек, его совершивший, были сопричастны, поэтому получивший дар оказывался под воздействием дарителя»* [Там же, с. 180], – рассуждает А. Я. Гуревич, прямо обращаясь к опыту исследований М. Мосса. Как и французский этнограф, он подчеркивает «нематериальный» аспект: с подарком вождя

дружиннику переходила часть его «удачи», объединяя их магическими узами. Именно магия дара создавала ту нематериальную зависимость «одариваемого» от «дарителя», которую нужно было отплачивать – ответным даром, верной службой.

А. Я. Гуревич обозначает «тотальные» последствия подобных отношений: *«магическая зависимость... грозила утратой личной целостности и свободы, могла привести к деградации или даже гибели получателя дара...»* [Там же]. А. Я. Гуревич тем самым уяснил, что «дар» важно рассматривать не только как социальную, но и как культурную, мировоззренческую категорию, в смыслах которой «участвуют» магические воззрения древних скандинавов.

Системному осмыслению сути «обмена дарами» в немалой степени помог и такой важный для историка «инструмент», как лингвистический анализ. Он позволил выявить, что понятие «дара» в древнескандинавских языках специфично: *«понятия “давать” и “брать” первоначально обозначались одним и тем же словом... глагол Fa имел оба этих значения, которые можно дифференцировать лишь по контексту и словосочетанию...»* [Там же, с. 179]. Им отмечалось, что в древненорвежском языке семантическое значение одного и того же глагола означало «давать» и «брать»: семантика глагола “fa” косвенно указывает на то, что два процесса в сознании средневекового скандинава были настолько неотделимы друг от друга, что это закрепилось и в языке.

Таким образом, А. Я. Гуревич всесторонне обосновал тезис, что «обмен дарами» есть важнейший социальный и культурный институт скандинавского общества. Дар обязательно должен был быть возмещён ответным даром – односторонний подарок связывал людей магическими узами зависимости, двусторонний же обмен только определял их социальное отношение друг к другу – человек, не ответивший даром на дар, попадал в зависимость от дарителя.

Параллельно с рассмотрением института «обмена дарами» в архаичном обществе А. Я. Гуревич анализирует тему в контексте истории «феодалного», «христианского» общества. Здесь в центре его внимания – «обмен дарами» в рыцарской среде. Изложим кратко основные наблюдения. Ученый отмечает существенное сходство поведения средневековых сеньоров и варварских предводителей: *«нормой считается поведение, заключающееся в том, что сеньор щедро, не считая, раздаёт и растрчивает богатство, не вникая, не превышая ли расходы поступления»* [Там же, с. 195]. Как для архаического вождя, для сеньора «дар» неотделим от богатства. Как и в случае с вождями германских обществ раннего Средневековья, для феодала «классического Средневековья» «дар», «обмен дарами» является средством коммуникации с другими представителями сословия, его престиж в обществе зависел от их количества и щедрости. *Личные отношения между сеньором и его вассалами также существенно напоминают принятые в варварском обществе. «Дар» продолжал играть важную коммуникативную роль. Как пишет историк, «дар, пир, церемониальный обмен вещами и услугами... проявление специфической природы общественных связей в рассматриваемых нами обществах»* [Там же, с. 175]. На «материальный» дар сеньора вассал, как и в варварском обществе, был обязан ответить, даром «служебным». Самое важное сходство: *«богатство мыслится феодалом как средство для достижения целей, находящихся далеко за пределами экономики»* [Там же, с. 196], что было свойственно и вождям. В целом тезис, что *«этические установки рыцарства обнаруживают немалое сходство с представлениями о богатстве, которые были присущи варварам»* [Там же, с. 194], кажется обоснованным и важным для понимания картины мира Средневековья и варварского времени.

Особый вопрос – влияние на «обмен дарами» христианской морали. Для неё характерно специфическое толкование «дара». В христианской морали «дар» – милостыня нищим, он необходим для спасения души. По замечанию А. Я. Гуревича, *«раздача милостыни принимала привычные для средневекового общества ритуальные и кодифицированные формы... в основе подобной благотворительности лежала... забота жертователей о своём душевном благополучии...»* [Там же, с. 190], то есть в какой-то степени она также являлась «обменом дарами» – в ответ обладатель богатств получал толику божественного благословения. Прямую связь между архаичным и христианским «обменом дарами» А. Я. Гуревич не прослеживает. Основное различие заключалось в том, что в данном случае «дар» не требовал ответа непосредственно от одариваемого: даритель рассчитывал в этом случае на спасение собственной души.

Проблема обмена дарами была разработана в «Категориях средневековой культуры» столь фундаментально, что в более поздних своих работах, посвященных народной культуре, А. Я. Гуревич только дополнял ее деталями и новыми материалами источников. По большей части дополнения касались вопроса «обмена дарами» между святым и его паствой. По мнению А. Я. Гуревича, *«отношения между святым и паствой мыслились в привычных для людей того времени категориях взаимной верности и помощи»* [7, с. 70]. Как считает исследователь, фактически, взаимоотношения между людьми и Богом, святыми приобретали более ясный для паствы смысл именно через «обмен дарами». Он пишет: *«то, что при жизни святой получал подарки, само по себе уже есть причина требовать от него возвратных подарков-чудес»* [Там же, с. 68], имея в виду, что в этой среде чудо несло в себе характер «отдарка» за конкретный дар. Это правило в глазах паствы «действует» и после смерти: *«поклонники не только возносят молитвы своему святому и приносят ему дары, они считают, что эти акты дают им право предъявлять ему и требования в тех случаях, когда он сам... не догадывается, какого рода помощи от него ждут»* [Там же, с. 73]. По мнению А. Я. Гуревича, культ святого, молитвы и приношения ему должны были сопровождаться «ответом» от него, «отдарком» – помощью своей пастве.

В работе «Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства» А. Я. Гуревич изучает проповеди немецкого пастыря Бертольда Регенсбургского (ок. 1210-1272 гг.), который в проповеди «О пяти талантах» рассказывает о «дарах» Бога людям – «личности», «призвании», «жизни», «собственности» и «любви к ближнему». Историк обращает внимание на один факт: *«пять даров, врученных человеку»*

и составляющих главные ценности, за распоряжение которыми ему придётся отчитаться перед *Всевышним*» [8, с. 408]. Вновь та же самая «схема»: «talants» – «дар», который, в свою очередь, требует ответа – «отдарка» – послушания и благочестия.

Проблема «обмена дарами» как завершенная предстает в статье «Словаря средневековой культуры», излагающей главные методологические положения, прежде разработанные автором [15, с. 129-134].

Подводя итоги, напомним, что историк, анализируя «анатомию» средневековой культуры, выстраивает две схожие «модели мира»: первая, условно говоря, «германская», архаичная, характерная во многом для раннего Средневековья, вторая – «христианская», окончательное оформление которой происходит к X-XII вв. В двух различных «моделях мира» им выделяются схожие друг с другом институты – в том числе «обмен дарами». Главными инструментами для историка становятся текстологический и лингвистический анализ источников, позволивший выделить типологические черты этого института в разных «моделях». При этом ученый прибегает к методу синхронного анализа, выстраивает «сетку координат», создает «идеальный тип» института как составной части «картины мира». По сути, А. Я. Гуревич разрабатывает два параллельных образа института «обмена дарами», показывая общее и особенное в его функционировании и структуре. Историк выявил две основные функции этого института: социально-коммуникативную и магическую, приобретающую в рамках христианской картины мира религиозный характер. Он пришёл к принципиально новому пониманию сути института «обмена дарами», обозначив его «двуединое» содержание – социальное и культурное.

Анализ подхода А. Я. Гуревича к проблеме «обмена дарами» показывает и основные черты его культуры исследования «моделей мира» в целом: комплексный анализ источников, системное изучение социального контекста, особое внимание к культуре и мировосприятию той или иной эпохи.

Список литературы

1. **Аверкиева Ю. П.** Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961.
2. **Баткин Л. М.** О том, как А. Я. Гуревич возделывал свой аллод // *Одиссей. Человек в истории: картина мира в народном и учёном сознании.* М., 1994. С. 5-29.
3. **Бёрк П.** Диалог Арона Гуревича с «Анналами» // *Образы прошлого. Сборник памяти А. Я. Гуревича.* СПб., 2011. С. 42-57.
4. **Бжезинска А.** Средневековье Арона Гуревича в свете исторической семантики // *Образы прошлого. Сборник памяти А. Я. Гуревича.* СПб., 2011. С. 82-106.
5. **Гуревич А. Я.** Категории средневековой культуры // *Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир.* СПб., 2007.
6. **Гуревич А. Я.** Культура и общество средневековой Европы глазами современников // *Гуревич А. Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы.* СПб., 2007.
7. **Гуревич А. Я.** Проблемы средневековой народной культуры // *Гуревич А. Я. Избранные труды. Культура средневековой Европы.* СПб., 2007.
8. **Гуревич А. Я.** Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства // *Гуревич А. Я. Избранные труды.* М. – СПб., 1999. Т. 2. Средневековый мир.
9. **Зарецкий Ю. П.** История средневекового индивида в исторической антропологии // *Cogito.* Ростов н/Д, 2006. С. 405-424.
10. **Кром М. М.** А. Я. Гуревич и антропологический поворот в исторической науке // *Новое литературное обозрение.* М., 2006. № 81. С. 221-228.
11. **Мосс М.** Опыт о даре // *Общества, обмен, личность.* М., 1996.
12. **Образы прошлого. Сборник памяти А. Я. Гуревича.** СПб., 2011.
13. **Рейман Б. В.** «Возможные миры» новоевропейской культуры: по поводу спора о «личности» между Л. М. Баткиным и А. Я. Гуревичем // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Философские науки. Религиоведение».* М., 2013. № 11 (112). С. 203-211.
14. **Речи Высокого** // *Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах.* М., 1975.
15. **Словарь средневековой культуры.** М., 2003.
16. **Шмит Ж. К.** А. Я. Гуревич и «категория» времени // *Образы прошлого. Сборник памяти А. Я. Гуревича.* СПб., 2011. С. 42-57.
17. **Marwick R. A.** Ia. Gurevich's Contribution to Soviet and Russian Historiography: From Social-Psychology to Historical Anthropology // *Saluting Aron Gurevich: Essays in History, Literature and Other Related Subjects.* Boston, 2010. P. 41-69.
18. **Saluting Aron Gurevich: Essays in History, Literature and Other Related Subjects.** Boston, 2010.
19. **Scholze-Irrnitz L.** Moderne Konturen historischer Anthropologie. Eine vergleichende Studie zu den Arbeiten von Jacques Le Goff und Aaron J. Gurjewitsch. Frankfurt, 1994.

MEDIEVAL “GIFT EXCHANGE” CULTURE IN A. J. GUREVICH'S INTERPRETATION

Likhomanov Kim Vladimirovich
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
AlisterOrm@gmail.com

The article by the example of the historian A. J. Gurevich's works examines the problem of interpreting medieval “gift exchange” culture, which is one of the universal means of the social and cultural communication of archaic societies. According to A. J. Gurevich, this institution in medieval societies performed an important function of social communication, but at the same time it included deep cultural content that took an important place in the medieval human's consciousness and had a magic nature.

Key words and phrases: A. J. Gurevich; gift exchange; magic meaning of object; worldview; traditions; social communication; Icelandic sagas.